

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Окраина империи моей,
приходит время выбирать царей,
и каждый новый царь – не лучше и не хуже.
Подешевеет воск, подорожает драп,
оттает в телевизоре сатрап,
такой, как ты – внутри,
такой, как я – снаружи.

Когда он говорит: на свете счастье есть,
он начинает это счастье – есть,
а дальше – многоточие хлопущек...
Ты за окном салют не выключай,
и память, словно краснодарский чай,
и тишина – варенье из лягушек.

По ком молчит рождественский звонарь?
России был и будет нужен царь,
который эту лавочку прикроет.

И ожидает тех, кто не умрёт:
пивной сарай, маршрутный звездолёт,
завод кирпичный имени «Pink Floyd».

Подраненное яблоко-ранет.
Кто возразит, что счастья в мире нет
и остановит женщину на склоне?
Хотел бы написать: на склоне лет,
но, это холм, но это – снег и свет,
и это Бог ворочается в лоне.

* * *

2010 год, январь, потерянность вокзала,
чему, блаженный идиот, ты улыбаешься устало?
Снег, перемешанный с золой и пахнущий копченой воблой,
вот человек – внезапно злой, вот человек – внезапно добрый,

разрушив собственный дурдом, он выбрался из-под завала,
еще не знающий о том, что жизнь его поцеловала –
в свирепой нежности своей, как примиряющая сила,
он думал, что простился с ней, а жизнь его не отпустила.

* * *

Этот гоблинский, туберкулезный
свет меняя – на звук:
фиолетовый, сладкий, бесслезный –
будто ялтинский лук.

В телящике, в телемогиле,
на других берегах:
пушкин с гоголем Крым захватили,
а шевченко – в бегах.

И подземная сотня вторая
не покинет кают,
и в тюрьме, возле Бахчисарая –
макароны дают.

Звук, двоясь – проникает подкожно:
чернослив-курага,
хорошо, что меня невозможно
отличить от врага.

* * *

Андрею Макаревичу

Комиссары нюхали кокаин,
отвыкая от солонины,
больше в мире не было украин,
потому, что кончились украинны.

День мерцал фонариком на корме,
отплывая в залив Бискайя,
я тогда сидел третий год в тюрьме –
на поруки бороду отпуская.

Говорят, что завтра придет весна,
и, опухнувшая от пьяни, –
на майдан подтянется матросня,
а за ней – приползут крестьяне.

Затекая в рифму – прольется кровь,
и туда ей теперь дорога,
что такое, братец, твоя любовь –
это зрада и перемога.

Треугольный народ соберут в кружок
бородай, парубий, ефремов:
желтоватый, гибельный порошок –
раздавая из пыльных шлемов.

БЭТМЕН САГАЙДАЧНЫЙ

«Новый Lucky Strike» – поселок дачный, слышится собачий лайк,
это едет Бэтмен Сагайдачный, оседлав роскошный байк.
Он предвестник кризиса и прочих апокалиптических забав,
но, у парня – самобытный почерк, запорожский нрав.

Презирает премии, медали, сѐрбает вискаръ,
он развозит Сальвадора Даля матерный словарь.

В зимнем небе теплятся огарки, снег из-под земли,
знают парня звери-олигархи, птицы-куркули.
Чтоб не трогал банки и бордели, не сажал в тюрьму –
самых лучших девственниц-моделей жертвуют ему.
Даже украинцу-самураю трудно без невест.
Что он с ними делает? Не знаю. Любит или ест.

ПОБЕГ В БРЮГГЕ

Я назначу высокую цену – ликвидировать небытие,
и железные когти надену, чтоб взобраться на небо твое,
покачнется звезда с похмельюги, а вокруг – опустевший кандей:
мы сбежим на свидание в Брюгге - в город киллеров и лебедей.

Там приезжих не ловят на слове, как форель на мускатный орех,
помнишь, Колина Фаррелла брови – вот такие там брови у всех,
и уставший от старости житель, навсегда отошедший от дел –
перед сном протирает глушитель и в оптический смотрит прицел:

это в каменных стойлах каналы – маслянистую пленку жуют,
здесь убийцы-профессионалы не работают – просто живут,
это плачет над куколкой вуду – безымянный стрелок из Читы,
жаль, что лебеди гадят повсюду, от избытка своей красоты,

вот – неоновый свет убывает, мы похожи на пару минут:
говорят, что любовь – убивает, я недавно проверил – не врут,
а когда мы вернемся из Брюгге, навсегда, в приднепровскую сыть,
я куплю тебе платье и брюки, будешь платье и брюки носить.

* * *

Крыша этого дома – пуленепробиваемая солома,
а над ней – голубая глина и розовая земля,
ты вбегаешь на кухню, услышав раскаты грома,
и тебя встречают люди из горного хрусталя.

Дребезжат, касаясь друг друга, прозрачные лица,
каждой гранью сияют отполированные тела,
старшую женщину зовут Бедная Линза,
потому что всё преувеличивает и сжигает дотла.

Достаешь из своих запасов бутылку “Токая”,
и когда они широко открывают рты –
водишь пальцем по их губам, извлекая
звуки нечеловеческой чистоты.

* * *

Бегут в Европу черные ходоки,
плывут в Европу черные ходоки,
а их встречают белые мудаки –
свиных колбасок мерзкие едоки.

Вокзал вонзят неоновые клыки –
и потекут из яремной вены:
вода, одежда, памперсы, сухпайки,
цветы и средства для гигиены.

У белых женщин бедра, как верстаки,
у белых женщин слабые мужики,
но всё исправят черные ходоки,
спасут Европу черные ходоки.

В Берлине снег, внизу продается скотч,
сосед за стенкой меня не слышит:
зачем он пьет по-черному третью ночь,
а может быть, он набело что-то пишет.

К примеру: «...больше нет ничего,
остался дом и дряхлое, злое тело,
и только смерть ползет змеей, для того,
чтоб жизнь моя над высоким огнем летела...»

* * *

Я начинался с музыкою вровень
и счастлив был, а значит, был виновен

в просчетах бытия,
что вместо счастья, из всего улова,
досталось вам обветренное слово,
а счастлив только я.

Как будто соль, сквозь дырочку в пакете,
я просыпаюсь третий век подряд,
меня выводят на прогулку дети,
коленки их горят.

И если счастье – зло, и виновато
во всех грехах, в священной, блядь, войне:
любое наказание и расплата
лишь за добро – вдвойне.

Зачем же эта музыка в придачу
бессмысленно высвечивает тьму?
О чем она? И почему я плачу?
Я знаю почему.